

Накануне днём Тан Юйхуэй спал так крепко, будто небо и земля погрузились во тьму, поэтому на следующее утро он поднялся рано. Не дожидаясь, пока Кан Чжэ его разбудит, он спустился на кухню с миской и вымыл её. Когда Кан Чжэ, зевая, вышел во двор, Тан Юйхуэй уже стоял опрятно одетый у каменной стены, забавляясь с маленьким чёрным козлёнком, привязанным к камелии. Кан Чжэ, потирая глаза, подошёл, открыл кран во дворе, зачерпнул горсть холодной воды, плеснул себе в лицо и небрежно вытер, а потом обратился к Тан Юйхуэю:

— Так рано встал? Почему не пошёл поиграть с себе подобными?

— М-м, что? — Тан Юйхуэй не понял, но машинально обернулся, наблюдая, как Кан Чжэ умывается.

Утро было ясным, тёплые солнечные лучи заливали весь двор. Брызги воды разбивались о кожу Кан Чжэ, бриллиантами в оправе золотого света рассыпались из его ладоней, и со звоном падали на землю. Тан Юйхуэй хотел было ополоснуть руки под краном, но хлынувшая вода оказалась такой ледяной, что он едва не вскрикнул. Кан Чжэ легко закрутил кран и пояснил Тан Юйхуэю:

— Это вода из ручья, снег ещё не полностью растаял, поэтому она холодная. Но её можно пить прямо так, она довольно сладкая. Впрочем, у тебя слабое здоровье, лучше не пей сырую воду.

Тан Юйхуэй протянул: «О-о», подумав: «Ну и зачем говорить мне, что она сладкая, если всё равно мне нельзя её пить? И что вообще значила та фраза про себе подобных?» Он молча последовал за Кан Чжэ, но потом резко обернулся, кое-что вспомнив. За тем маленьким чёрным козлёнком, с которым он только что играл, был ещё загон, где толпилось несколько белых козлят. Они явно не были так свободны, как чёрный, и теснились в своём загончике, глядя на Тна Юйхуэя с наивной глуповатой непосредственностью. В отличие от не очень-то чистых бурских [1] коз, которые вчера паслись на склоне горы, эти козлята были белоснежными и чистыми, словно мягкие и уютные шерстяные пледы.

[1] Бурская коза — порода коз, выведенная специально для мяса. Считается лучшей в мире мясной козой. <https://pticaopt.ru/zhivotnye/kozy/burskaya/>

Встретившись с ними взглядом, Тан Юйхуэй заметил, что козочки растерянно и невинно проблеяли ему несколько раз. Он немного отвлёкся, вспомнив ту игрушечную овечку, которую Кэ Нин запихнул в самый дальний угол чемодана, так что она едва не сплющилась.

В прошлом году, когда он учился на втором курсе магистратуры, проект, который вёл его научный руководитель, выиграл конкурс и получил международную премию. Вся группа отправилась праздновать. Преподаватель выпил бокал вина и ушёл, несколько старших товарищей под предлогом дел тоже поспешили удалиться. Кэ Нин подсуетился и вместе с ним пристроился в машину одной из старших сокурсниц, чтобы уехать с места празднования в ближайший торговый центр.

Тан Юйхуэй спросил его, зачем он это делает. Кэ Нин ответил, что не хочет возиться с

младшими студентами, мол, ему скучно с детьми, и попросил составить ему компанию в ловле игрушек в автомате. Тан Юйхуэй тогда показалось, что первая и вторая части этого заявления противоречат друг другу. Он долго стоял в игровом зале, пока Кэ Нин, чьи навыки оказались куда скромнее его хвастовства, наконец-то не вытащил из автомата потрёпанную овечку. У неё были обвисшие уши с немного грязными краями, потёртый носик и большие блестящие глаза. Самое главное — её белоснежная шерстка казалась тёплой и пушистой. Тан Юйхуэй не удержался и потрогал её — она была довольно мягкая. В голове промелькнуло, что если бы облака можно было потрогать, они, наверное, были бы такими же на ощупь. Пока Тан Юйхуэй раздумывал, не попробовать ли ему самому вытащить игрушку, Кэ Нин сунул овечку ему в руки:

— С днём рождения, Тан-Тан.

В этих воспоминаниях Кэ Нин улыбался, и на его щеках появились ямочки.

— Я помню, да. Ты, кажется, никогда не празднуешь день рождения, поэтому я не собирался дарить тебе подарок. Но она же вылитая ты!

«Вылитая я?.. — думал Тан Юйхуэй, следуя за Кан Чжэ. — Разве сравнивать мужчину с безобидной зверушкой — комплимент? Это потому, что я слишком медлительный? Но овцы же глупые, а я очень умный!»

— О чём задумался? Я же задал тебе вопрос!

Идущий впереди Кан Чжэ внезапно остановился и Тан Юйхуэй, погружённый в свои мысли, тут же с глухим стуком врезался ему в спину: даже искры из глаз посыпались. Кан Чжэ вздохнул, обернулся и сказал:

— Ты вообще совершеннолетний? Удостоверение личности у двойника стащил, что ли?

Тан Юйхуэй уныло потёр лоб:

— Нет, мне действительно скоро двадцать четыре, в этом году должен был... — он запнулся, и продолжил намного тише: — Должен был... закончить магистратуру.

Кан Чжэ взглянул на него и с некоторым удивлением произнёс:

— А ты оказывается ещё и умный, раз учишься в магистратуре. Я-то думал, ты просто избалованный молодой господин.

«Так и есть», — вздохнул про себя Тан Юйхуэй. В одной фразе из трёх частей Кан Чжэ попал в точку по всем пунктам. Но как этому человеку всего лишь парой фраз удалось так точно наступить на все его больные мозоли? Тан Юйхуэй обнаружил, что каждый раз после разговора с Кан Чжэ его настроение необъяснимо портится. Хотя их знакомство длилось меньше суток, ему действительно казалось, что они с этим человеком как кошка с собакой: их восемь иероглифов судьбы совсем не совпадали. Нормально общаться они не смогут.

С детской прямоотой меняя тему, Тан Юйхуэй сказал:

— М-м... вроде того. Что ты у меня спрашивал?

К счастью, Кан Чжэ не стал настаивать:

— Я спросил, что ты хочешь на завтрак.

Тут Тан Юйхуэй искренне удивился:

— Разве есть выбор?

Он предполагал, что Кан Чжэ уже всё решил заранее, но тот, прищурившись, словно шутя, сказал:

— Не стоит смотреть свысока на глухую провинцию и малые народности, хорошо? Хотя здесь нет ни американских завтраков, ни европейского чая, ты всё равно можешь выбрать: есть утром лапшу или паровые булочки.

Когда речь зашла о лапше, Тан Юйхуэй на мгновение вспомнил дискомфорт и смущение вчерашнего вечера и быстро ответил:

— Давай лучше паровые булочки: я сейчас не очень голоден.

Кан Чжэ, конечно, был совершенно равнодушен:

— Ладно, как скажешь.

На завтрак Тан Юйхуэй съел две булочки и выпил миску бульона из баранины. Кан Чжэ принёс ещё два тибетских пирожка с топлёным маслом — сладких, воздушных и невероятно сытных. После одного пирожка Тан Юйхуэй уже не мог двигать палочками. Кан Чжэ увидев, что он не в

состоянии больше есть, забрал второй пирожок с его тарелки.

— Не оставляй еду, — тихо проговорил он, надкусывая пирожок. — Тибетцы в большинстве своём очень гостеприимны. Дядя Доржи, увидев, что ты ханец, специально приготовил эти два пирожка для тебя, они не продаются на рынке, их обычно делают дома.

Кан Чжэ тоже объелся. С трудом доев пирожок и сделав глоток бульона, он добавил:

— Если ты оставишь еду, они подумают, что тебе не понравилось. Свою еду можно и не доесть, но если тебя угощают, важно показать, что ты ценишь это.

Тан Юйхуэй кивнул, чувствуя, как горячий суп подступает к горлу.

Выйдя из закуской, Тан Юйхуэй снова увидел вчерашний мотоцикл и замер в недоумении. Разве они не пришли сюда пешком? Когда Кан Чжэ успел пригнать его сюда? Кан Чжэ не волновали внутренние размышления гостя о способах передвижения. Он направился прямо к парковке. Сев на мотоцикл и заведя двигатель, он помахал рукой Тан Юйхуэю:

— Пока развлекайся сам, у меня дела. Увидимся вечером. — И мотоцикл с оглушительным рёвом унёс его прочь.

Оставшись один, Тан Юйхуэй растерялся. Он инстинктивно потянулся к телефону, чтобы посмотреть расписание проекта, но внезапно вспомнил — теперь это бессмысленно. С досадой выключив телефон, Тан Юйхуэй попытался вспомнить, что именно говорил ему вчера Кан Чжэ. О да, осмотреться в городе. Ну что ж, можно заняться этим.

Весь день Тан Юйхуэй потратил на знакомство с окрестностями. Синьдучао оказался крошечным городком, где никто не бродил просто так по улицам целыми днями. На бескрайнем шоссе 318 он несколько раз едва не столкнулся с переходящими дорогу коровами, но так и не встретил ни одного пешехода. Ему стало жарко, но он не хотел останавливаться.

К двум часам, совершенно выбившись из сил, он зашёл в придорожную забегаловку, заказал суп с говядиной, а поев зашагал назад. Несколько машин останавливались, предлагая подвезти его в Дачэн или Тибет, и восхищённо показывали большие пальцы, одобряя то, что он идёт пешком. У Тан Юйхуэя не было сил объяснять, поэтому он только качал головой и отвечал: «Спасибо, не нужно».

За утренней болтовнёй у лотка с едой Кан Чжэ объяснил ему, что снег в Гардзе начинает идти уже в октябре, а тепло приходит лишь к маю. Тан Юйхуэй же приехал сейчас, когда погода всё ещё была прохладной, большая часть снега уже растаяла, а цветы ещё не успели распуститься: ни то ни сё. Однако Тан Юйхуэю казалось, что он приехал как раз вовремя. Без толп туристов всё выглядело иначе.

Весь день он провёл в пути. Перед его глазами ручеёк талой воды тихо струился вдоль дороги, на лугах пробивались редкие жёлтые цветочки, а склоны холмов были усеяны безмятежно пасущимися коровами и отарами овец. На небольшом холме, возле белой ступы, стояла привязанная тёмно-рыжая лошадь, а тибетская девушка, набрав ведро воды, чистила её шерсть. Бесчисленные ряды молитвенных флажков были привязаны вдоль дороги. Ветер играл с ними, и они, трепеща, словно пёстрые крылья, рвались ввысь к священным горам, связующим землю с раем. Одно облако особенно долго провожало его, полное чистого, белоснежного желания спать, и словно убаюкивая, касалось одного склона за другим, будто мягких подушек.

Возвращаясь в гостиницу, Тан Юйхуэй чувствовал, что ноги отказываются ему служить, а голова кружится от солнца, но на душе было светло, и, казалось, завтра он сможет пройти этот путь снова.

Когда Кан Чжэ вернулся в гостиницу, он увидел, как этот ещё вчера белый и нежный молодой господин сидит во дворе с обгоревшим от солнечных лучей носом, не обращая внимания на окружающих и, качаясь на качелях, созерцает закат. Открытые участки его кожи заметно потемнели. Хотя Тан Юйхуэй всё ещё выглядел бледным, оттенок его кожи был на несколько тонов темнее, чем утром, а нос и вовсе начал облезать.

— Чем сегодня занимался? Горная болезнь прошла? — спросил Кан Чжэ.

Тан Юйхуэй медленно поднял голову, затем покачал ею, отвечая на второй вопрос. Затем, подумав некоторое время, он неуверенно произнёс:

— Ты же велел мне осмотреться...

Кан Чжэ не знал, как на это реагировать.

— Ты не использовал солнцезащитный крем? Целый день провёл на улице? — с долей недоумения произнёс он. — Завтра, когда будешь умываться, твой нос будет так болеть, что ты поймёшь, каково это — обгореть на местном солнце. Я схожу к маме и принесу тебе тюбик с алоэ вера.

Тан Юйхуэй только отозвался: «О-о». Кан Чжэ понял: тот блуждает в своих мыслях и, вероятно, даже не осознаёт услышанного.

Через несколько секунд Тан Юйхуэй лениво поинтересовался:

— Ты ужинал?

Кан Чжэ на самом деле не ел, но не хотел продолжать разговор с Тан Юйхуэем и тем более ужинать с ним, поэтому кивнул. Он подумал: «Ладно, поем дома позже».

Тан Юйхуэй ненадолго задержал взгляд на фигуре отъезжающего на мотоцикле Кан Чжэ и снова устремил взор на горы, окутанные багряными облаками. За всё это время он даже не встал с качелей.

Шум мотора постепенно стихал. Кан Чжэ, мчась по дороге, ощущал лёгкую головную боль. Кажется, этот весенний сезон принесёт ему большие неприятности.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12810/1130163>